

В. Н. Земцов

СУДЬБА РУССКИХ РАНЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ В МОСКВЕ В 1812 г.

Тяжкий жребий, выпавший на долю раненых и больных солдат российской армии, оказавшихся в оккупированной Наполеоном Москве, давно стал предметом не только научного, но и общественного внимания. Первым, кто во всеуслышание заявил о страшной участи этих людей, стал французский император. Вечером 16 сентября¹ 1812 г., вскоре после того, как Наполеон покинул горящий Кремль и перебрался в Петровский дворец, в 19-м бюллетене Великой армии он объявил о том, что в Москве «в госпиталях находится 30 тыс. раненых и больных русских, брошенных без какой-либо помощи и без продовольствия». На следующий день, в 20-м бюллетене, описав уничтожение Москвы «в океане пламени», Наполеон без обиняков заявил, что 30 тыс. раненых и больных русских сгорело². 19 сентября, принимая в Кремле И. А. Тутолмина, главного надзирателя Воспитательного дома, Наполеон резко снизил первоначальную цифру оставшихся в Москве русских раненых, заявив то ли о 20 тыс. (так в передаче секретаря-архивиста французского императора А.Ж.Ф. Фэна), то ли о 10 тыс. (в передаче Тутолмина)³. 9 октября в 23-м бюллетене Наполеон, объявив, что «в госпиталях осталось примерно 4 тыс. раненых и больных русских», уклончиво указал, что «число погибших чрезвычайно значительно»⁴.

В 1817 г. выходит четвертый том воспоминаний главного хирурга Великой армии Ж. Д. Ларрея, в котором он описал, как инспектировал в первые дни пребывания в Москве русские госпитали⁵. С восхищением осматривая Главный военный госпиталь, который он сравнил с парижской Военной школой, Ларрей подсчитал, что тот был рассчитан на более чем 3 тыс. больных. Однако французы нашли в нем «только очень малое число больных, и перевели их во второй госпиталь, который был самым маленьким, учрежденным под названием Института для обучения детей обоих

полов, оставшихся после смерти военных, погибших на войне»⁶. Ларрей обследовал не только Главный военный госпиталь, но определенно также Шереметевскую больницу, Голицынскую больницу, Александровский институт и Воспитательный дом. Возможно, он осмотрел и еще некоторые «гражданские богадельни», однако о нахождении в них русских раненых он написал только применительно к Голицынской больнице, указав, что в ней наряду с французскими офицерами «равным образом лежало около тридцати русских офицеров с тяжелыми ранениями, которые были размещены их товарищами в этом госпитале (hospice) перед собственным отбытием из Москвы»⁷.

Между тем книга «московского немца» врача А. В. Нордгофа, вышедшая в 1822 г., давала совсем иную картину применительно к Главному военному госпиталю (*Hôpital militaire impérial*), который, по словам ее автора, «был оставлен (французской администрацией. – В.З.) исключительно для русских раненых» и в котором «было напихано семь тысяч раненых». «Несчастливые больные, – писал автор, – не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже продовольствия. Они без всякой помощи боролись с болью, голодом и жаждой». «Из окон выбрасывали тела, которые образовали кучи у начала лестницы. Только 5 сотен человек смогли выжить при таких бедствиях, и они не смогли бы сохранить свою жизнь, если бы не гуманность одного немецкого хирурга»⁸.

Книги Ларрея и Нордгофа не оказали, однако, заметного влияния на историографию темы. Гораздо больший резонанс получила своеобразная полемика, произошедшая в 1823 г. между Ж. Шамбрэ и Ф. В. Ростопчиным по поводу причин и последствий московского пожара⁹. Шамбрэ, чье произведение до сих пор считается одним из лучших военных описаний русской кампании 1812 г., утверждал, что в московских госпиталях более 10 тыс. раненых и больных русских, оставленных без помощи и пищи, погибли во время пожара или от голодной смерти¹⁰. Ростопчин, на которого Шамбрэ во многом возлагал ответственность за поджог Москвы, решительно возражал. В отношении русских раненых он уверял, что «от шестнадцати до семнадцати тысяч были отправлены на четырех тысячах подводках накануне занятия Москвы в Коломну, откуда они поплыли Окою на больших крытых барках в Рязанскую губернию, где были учреждены госпитали. Две тысячи раненых оставались в Москве». При этом «два госпиталя, в которых они находились, также не сгорели»¹¹.

Если оправдания Ростопчина не произвели заметного эффекта на историческую и мемуарную литературу, то картина горящих госпиталей, нарисованная Шамбрэ, стала переходить из одной книги в другую¹².

В 1839 г., впервые через 16 лет после оправдательной записки Ростопчина по вопросу о судьбе несчастных раненых, высказалась российская историография. Избегая упоминания каких-либо «частностей», А. И. Михайловский-Данилевский вынужден был написать, что в Москве осталось до 10 тыс. русских раненых и что «весьма немногие из них спаслись от огня, голода и свирепства неприятелей»¹³.

Между тем во французской литературе, как исторической, так и мемуарной, версия Наполеона с удивительным постоянством, хотя и в разных вариациях, продолжала развиваться. По мнению А. Тьера, 14-й том «Истории Консульства и Империи» которого вышел в 1856 г., русские оставили в Москве, уповая на гуманность французов, 15 тыс. раненых, и «эти несчастные погибли, но не от наших рук». «Эти несчастные люди, которые не могли двигаться, были пожраны пламенем. 15 тыс. этих людей стали жертвами варварского патриотизма Ростопчина»¹⁴.

В XX в. французская версия была с энтузиазмом воспринята польской историографией. М. Кукель писал, что из 36 тыс. раненых, оказавшихся в Москве накануне ее сдачи, 10 тыс., обреченных тем самым на смерть от огня, было оставлено. Из них, по словам Кукеля, погибло от 8 до 10 тыс. человек¹⁵. Современный польский историк Р. Ковалжик, солидаризируясь с Кукелем, не исключает возможности гибели даже большего числа русских раненых¹⁶.

Что же отечественная историография? Реальное обсуждение проблемы началось только с 60-х годов XIX в. с публикации ряда документов и мемуаров участников событий. В 1860 г. было издано донесение И. А. Тутолмина вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 ноября (ст. ст.) 1812 г., в котором говорилось о гибели 700 российских раненых, помещенных в Кудринский Вдовый дом и ставших там жертвой пламени¹⁷. Разрозненные упоминания о трагедии, произошедшей с русскими ранеными в Москве в 1812 г., оказались разбросанными по документам, опубликованным в «Русском архиве»¹⁸, в сборниках документов Н.Ф. Дубровина¹⁹, П.И. Щукина²⁰, публикациях П.П. Гронского²¹, в коллективной работе В.В. Заглухинского, В.П. Копосова и И.В. Фомина²². Немало оказалось упоминаний об этом и в мемуарах А. П. Ермолова, А. С. Норова, Н. Н. Муравьева и др.²³ Тем не менее авторы исторических сочинений, как правило, обходили вопрос стороной, либо в лучшем случае упоминали о нем вскользь, не пытаясь проверить факты и выяснить подлинные обстоятельства дела²⁴. Ситуация стала меняться только к концу XX в. с появлением работ Н.А. Троицкого²⁵. Предельно заострив вопрос, Троицкий писал: «Горопясь увезти „огнеспасительный снаряд“, заняв под него сотни подвод, власть при-

державшие оставили в городе, обреченном на сожжение, 22,5 тыс. раненых, из которых очень многие, если не большинство, сгорели»²⁶. А. А. Смирнов, совершенно справедливо усомнившись в том, что все 22,5 тыс. раненых²⁷ могли сгореть в московском пожаре, вступил с Троицким в полемику²⁸.

В 2002 г. обратился к рассматриваемой теме А. И. Попов, который, аккумулировав значительный документальный материал²⁹, сделал вывод о том, что «основная часть русских раненых погибла в результате пожара, главными виновниками которого – и в этом нет оснований сомневаться – были их соотечественники»³⁰. Аналогичный вывод, хотя и на основе более фрагментарного материала, сделал С. И. Искюль. По его мнению, в Москве могло быть оставлено примерно 25 тыс. раненых и больных, часть которых сгорела в московском пожаре. «Непредусмотрительность и пренебрежение своими прямыми обязанностями со стороны армейского командования и власть придержащих столичного града Москвы оказались... настолько чудовищными, вопиющими и непростительными, что обоих – и Кутузова и Ростопчина – прежде всего заботила необходимость переложить вину за оставление Москвы и пожар на „обстоятельства“, друг на друга, или, в конце концов, на „француза“»³¹.

В совершенно иной тональности оказалась выдержана недавняя статья В. П. Столяра и М. Б. Овчинниковой, в которой авторы, отдавая должное самоотверженной работе персонала русских госпиталей в 1812 г., совершенно обошли молчанием острые вопросы, создавая этим у доверчивого читателя явно искаженное впечатление о причинах ужасной судьбы оставшихся в Москве русских солдат. Из текста статьи вытекает, что единственной причиной массовой гибели русских раненых в Москве было жестокое обращение с ними наполеоновских оккупантов³².

Полагаем, что сегодня пришло время, воздерживаясь от скороспелых или чрезмерно эмоциональных выводов, используя накопившийся за 200 лет огромный фактологический материал³³, попытаться дать документально обоснованную картину того, что произошло с русскими ранеными в оккупированной Наполеоном Москве.

К сожалению, мы вынуждены опустить все то, что касается организации госпитальной службы русской армии в 1812 г. и численности санитарных и боевых потерь в первый период войны³⁴. Отметим только, что командование русской армии, медицинская и интендантская службы предприняли по меркам начала XIX в. значительные усилия по обеспечению раненых медицинской помощью, питанием и средствами эвакуации. Однако эти усилия оказались несопоставимы с размахом и характером военных действий.

В ходе сражений под Витебском, Смоленском и Валутиной горой медико-хирургическая и госпитальная части еще могли справиться со своими задачами, и русское командование старалось избегать отправки раненых в Москву. Тем не менее основные военные действия кампании 1812 г. развернулись вдоль коммуникаций, ведущих именно к первопрестольной столице. Поэтому совершенно естественно, что уже в начале августа в Москву стали прибывать раненые, которых помещали исключительно в Главный военный госпиталь, хотя уже в те дни его возможности (госпиталь мог принять более 3 тыс. больных и раненых) оказались на пределе.

В конечном итоге вдовствующая императрица Мария Федоровна, в чьем ведении находились богоугодные заведения, согласилась на размещение офицеров в Павловской больнице и Инвалидном доме Шереметевой, но отказала в этом Екатерининской, Голицынской и Шереметевской больницам, а также Марининской больнице для бедных. В этих обстоятельствах Ростопчин принял решение приспособить Головинский дворец, в котором при Павле I располагались казармы, под временный военный госпиталь. Первоначально (видимо, в конце 10-х – начале 20-х чисел августа) там удалось разместить до 3 тыс. раненых, большая часть которых, по-видимому, была ранена в Смоленском сражении³⁵.

Между тем приближалось генеральное сражение. Вопреки «Положению для временных военных госпиталей», перед генеральным сражением на обе армии был учрежден только один подвижной госпиталь, располагавшийся в Можайске, а промежуточные станции от Можайска до Москвы заменили собою линии подвижных госпиталей³⁶. Такого рода отступление от «Положения», по-видимому, было неизбежно как в силу большой концентрации войск, так и вследствие уже обнаружившейся нехватки медицинских ресурсов и подвижного состава.

Каковы могли быть потери русской армии в генеральном сражении 24–26 августа (ст. ст.) ранеными и какое число их надо было вывезти с поля боя? Назвать даже приблизительные цифры затруднительно по нескольким причинам. Во-первых, в исследовательской литературе продолжает дискутироваться вопрос о числе общих потерь русской армии в Бородинском сражении³⁷. Во-вторых, в общее число потерь нередко включают отставших от частей и дезертировавших. В-третьих, в связи с тем, что русская армия в ходе сражения потеряла большую часть позиций, значительное число раненых осталось на поле боя. В любом случае тех раненых, которые должны были быть эвакуированы (перевезены на подводах или двигаться самостоятельно) было не менее 20 тыс. человек.

В ходе сражения и сразу после него все эти (или почти все) 20 тыс. раненых прошли через Можайск, где был учрежден подвижной госпиталь. Большая часть ампутаций была произведена именно здесь. Капитан Р. Солтык, сотрудник разведывательного бюро Великой армии, вспоминал, что в домах в Можайске всюду были «навалены ампутированные члены». «Я сам видел, – продолжает он, – в одном из этих домов, чердак, который был забит кусками отрезанных ног и рук; более ужасную картину мне не довелось увидеть за всю свою жизнь»³⁸. «Неприятель оставил, – писал дивизионный генерал К. Э. Гюйо о Можайске, – 6 тысяч раненых, перенесших ампутации, половина которых была уже мертва. Их [также] находят всюду – в лесу, на фермах...»³⁹. Много было оставлено раненых и по дороге к Можайску⁴⁰. Русские раненые не только заполняли почти все дома в Можайске и даже недостроенный Никольский собор, но и во множестве лежали на улицах и площадях города. Некоторые раненые еще брели и ползли вдоль улиц, ища хоть какую-нибудь помощь⁴¹.

Полагаем, что все (или почти все) раненые, оставленные в Можайске, были нетранспортабельны и оставлены на милость победителям. Однако ужас ситуации заключался в том, что в Можайск стали прибывать и раненые Великой армии, и их тоже надо было разместить в домах и оказать помощь. Несмотря на это, Ларрей отдал долг человечности русским раненым: с помощью солдат Императорской гвардии он организовал раздачу воды и небольшого количества сухарей. Все неперевязанные раненые были перевязаны. Так как живые (еще живые) лежали вперемешку с мертвыми, тела умерших были удалены – их пришлось выбрасывать прямо в окна⁴².

Как бы то ни было, из числа русских раненых в Можайске могли выжить только единицы. Французы, лишённые ресурсов для лечения и пропитания своих раненых⁴³, оставили русских на произвол судьбы; сташенные в сады и огороды, они ели только капусту, росшую там, и мясо своих умерших товарищей⁴⁴.

Сколько же раненых было оставлено русской армией в Можайске? В нашем распоряжении имеются только свидетельства чинов Великой армии, которые показывают цифры от 7 до 10 и более тысяч человек⁴⁵. По нашему мнению, не только последняя, но и первая цифры завышены. В Можайске были оставлены только те раненые, которые являлись нетранспортабельными, и их число не могло превышать 5 тыс. человек.

Эвакуация же транспортабельных раненых из Можайска в Москву происходила с великими трудностями и сопровождалась ужасными беспорядками. Но большая часть раненых в Бородинском сражении все же была доставлена в Москву. В отчете интендантского управления за

1812–1815 гг., составленном от имени генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин, явно упуская нелюбимые подробности, о движении от Можайска до Москвы было сказано так: «На дороге учреждены были станции, и хотя скорое отступление требовало, чтобы только ускорить дальнейшее движение колонн, но раненые и на повозках получали себе пищу; часто расходились они по избам, но всегда, хотя с великим трудом, были вновь собираемы и отправляемы. В Москве, где больные должны были поступить во внутреннее ведомство, были посланы предуведомления о прибытии их и прошено было собрать повозки, на коих они туда и приехали. По приезде моем в Москву, видно было, что раненые, особливо пешие, впускаемы были прямо в столицу без билетов на госпитали и без всякого препровождения, так что они, рассыпаясь по улицам, тревожили жителей зрелищем несчастного положения, в каком находятся раненые при ретираде. Тут нужны были для соблюдения возможного порядка приличные меры; но тогдашнее время, способы, всеобщий упадок духа и обстоятельства всем распоряжениям были противны»⁴⁶.

Действительно, к 1 сентября (ст. ст.) Москву заполнили толпы раненых и больных русских солдат. Голодные, измученные и обозленные, они стали громить кабаки, лавки, обирать и даже убивать обывателей. Чиновник Московского почтамта Андрей Карфачевский писал в частном письме, что 1 сентября (ст. ст.) по улицам прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках»⁴⁷. Тогда же, в воскресенье 1 сентября, ассессор Г. В. Сокольский и его близкие пытались выехать из Москвы в сторону Измайлова. «У Покровского мосту, – писал он И. Н. Боткину, – встретили около 5000 раненых, кои разбивали кабаки; нашим многие грозили страшною опасностью...»⁴⁸ «...Грабеж везде ранеными и мародерами», – сделал лаконичную дневниковую запись в понедельник 2 сентября (ст. ст.) А. Я. Булгаков⁴⁹.

30 августа (ст. ст.) генерал-губернатор приказал генерал-кригс-комиссару Татищеву, «чтоб по мере доставления в Москву из армии раненых, оставлять из них в Москве для пользования одних только тяжело раненых, а легко раненых на тех же подводах, на коих в Москву они доставлены, отправлять в Коломну». Во исполнение этого приказа 31 августа (ст. ст.) в Коломну был отправлен транспорт из 1500 человек раненых «на тех подводах, на которых доставлены были в Москву»⁵⁰. По всей видимости, этот транспорт еще удалось более или менее успешно организовать и обеспечить раненых в дороге должным образом⁵¹. Судя по тексту рапорта Татищева Кутузову, после отправки первого транспорта генерал-кригс-комиссару «таковым же порядком предписано было отправлять ежедневно

по несколько транспортов и не менее четырех»⁵². Однако выполнить это предписание уже не представлялось никакой возможности. К 1 сентября (ст. ст.) начался такой наплыв раненых в Москву, что Ростопчин, не ведая еще о настроениях Кутузова оставить первопрестольную, теперь приказал отправлять в Коломну «всех раненых, кои в состоянии идти пешком или неопасно больных»⁵³.

Поздно вечером 1 сентября русское командование приняло окончательное решение отказаться от боя у стен Москвы, в течение ночи провести войска через город и сдать его неприятелю. В полночь Татищев получил от М. Б. Баркляя де Толли новый приказ: «Находящихся в Москве раненых и больных стараться всеми мерами тотчас без малейшего замедления перевести в Рязань, где и ожидать оным дальнейшего назначения...»⁵⁴

Всю ночь и утро 2 сентября (ст. ст.) толпы раненых, кто как мог, чаще пешком и только немногие на подводах, двинулись к восточным окраинам Москвы и далее по дорогам на Рязань или на Владимир. Судьба раненых, которые смогли выйти из столицы, сложилась по-разному. Большая часть из них все же оказалась в госпиталях, организованных в Серпухове, Касимове, Елатье, Меленках и других пунктах. Иная участь была уготована тем раненым, которые не смогли Москву покинуть.

Сколько же их было? Найти ответ на этот вопрос можно только в случае, если установить, сколько было раненых и больных в Москве к началу сентября, и сколько их могло быть вывезено или ушло накануне и во время ее сдачи неприятелю. В конце 1990-х – начале 2000-х годов два известных историка войны 1812 года, Н. А. Троицкий и А. А. Смирнов, вступили в оживленную полемику по этому поводу⁵⁵. Как показала эта полемика, базовым документом по сию пору остается письмо Виллие Аракчееву, помеченное Красной Пахрой 12 сентября (ст. ст.) 1812 г. К письму был приложен «Список *временным* (курсив наш. – В.З.) в Москве госпиталям с показанием числа находившегося в оных больных», из которого следовало, что в Головинских казармах было 8 тыс., в Спасских – 5 тыс.; в институтах Александровском и Екатерининском – до 4 тыс., в Кудринском – до 3 тыс., в Запасном дворце – до 2 тыс., по квартирам – до 500 человек раненых и больных солдат⁵⁶.

Обращает на себя внимание, что в приведенном списке не было Главного военного госпиталя, так как он не был «временным». Если принять во внимание, что в Главном военном госпитале к концу августа было более 2 тыс. больных и раненых, а французы нашли в нем «только очень малое число больных»⁵⁷, основные усилия по вывозу раненых и больных были обращены прежде всего на Главный военный госпиталь. Раненые и боль-

ные из «временных госпиталей» и те, кто в них вообще не оказался (многие лежали во дворах домов и даже на улицах)⁵⁸, должны были выбираться из Москвы самостоятельно.

Сколько раненых могло быть эвакуировано на подводах или выбраться самостоятельно? Думаем, что не менее половины. Приняв за максимальное число раненых в Москве накануне ее сдачи в 30 тыс. человек, получаем от 10 до 15 тыс. человек оставшихся. Это вполне соотносится с мнением ряда участников событий, прежде всего А. П. Ермолова и А. И. Михайловского-Данилевского.

Попытаемся прояснить судьбу этих 10–15 тыс. человек.

Итак, примерно с 9 часов вечера 1 сентября (ст. ст.) госпитальные служители стали получать «приказание о выводе больных и раненых из Москвы» (Виллие). «Через ночь, сколько можно было посадить раненых на повозки – посажено, а поутру уже все комиссионеры и прислуга московских госпиталей рассыпались, и много, кажется, оставалось больных, которых поднять уже не было возможности»⁵⁹, – читаем в отчете интендантского управления. «Самое тягостное зрелище, – вспоминал К. Клаузевиц, – представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут». «Все эти несчастные были обречены на смерть»⁶⁰, – заканчивал он. Единственное, что сделало русское командование – отправило записку за подписью дежурного генерала при штабе Кутузова полковника П. С. Кайсарова командующему французским авангардом И. Мюрату следующего содержания: «Оставленные в Москве раненые поручаются гуманности французских войск»⁶¹. Эта записка была передана в полдень 2 сентября (ст. ст.) штабс-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка Ф. В. Акинфовым Мюрату, на что последний сказал так: «Напрасно поручать больных и раненых великодушию французских войск; французы в пленных неприятелях не видят уже врагов»⁶².

В реальности же получалось так, что все раненые и больные русские солдаты, оставшиеся в Москве, автоматически становились пленными. Те из них, которые будут в состоянии идти, пополнят ряды пленников, подлежащих взятию под караул и этапированию в неприятельский тыл. Очевидно, что среди многочисленных групп отставших от частей солдат, нередко занимавшихся в Москве мародерством, было немалое число и легкораненых, которые сразу стали арестовываться французскими патрулями (по мнению Шамбрэ, уже 15 сентября патрули взяли в плен более 6 тыс. человек⁶³). Более того, часть из них уже в первые дни оккупации была расстреляна. К 16 сентября относится следующий приказ за подписью начальника Главного штаба Великой армии маршала Л. А. Бертье: «Согласно

прокламации от 14-го сего месяца⁶⁴, все русские офицеры и солдаты должны явиться и объявить о себе в течение 24 часов господину коменданту Москвы. Сегодня, 16-го числа, на третий день после объявления Прокламации, многие русские солдаты продолжают бегать по улицам и арестовываются при поджоге домов. Поэтому, согласно настоящему приказу, все русские солдаты, которые будут встречены на улицах, подлежат смерти»⁶⁵.

Вечером 2 сентября (ст. ст.), в день вступления наполеоновских войск в Москву, в разных частях города начался пожар. Уже 3 сентября огонь охватил здание Кудринского Вдовьего дома, в котором находилось несколько тысяч русских раненых.

К 1 сентября здесь могло быть размещено, как мы знаем, до 3 тыс. раненых и больных солдат. После объявления поздним вечером 1 сентября о спешном «выводе» больных и раненых из Москвы, в нем оставалось не менее половины. Причем, согласно рапорту смотрителя Вдовьего дома Н. Ф. Мирицкого, «при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не осталось». Что же касается Мирицкого, главной задачей которого было сохранение имущества самого Вдовьего дома, то ко 2 сентября при нем были только «писарь и один инвалидный солдат, а протчия вольнонанятые караульщики при вступлении неприятеля от страха разошлись»⁶⁶.

О трагедии, разыгравшейся в Кудринском Вдовьем доме, нам известно по рапортам Тутолмина и рапорту Мирицкого. В сентябре (число неизвестно) 1812 г. Тутолмин сообщал на имя императрицы Марии Федоровны следующее: «...Кудринский же Вдовый дом, по данному ко мне рапорту от Смотрителя Мирицкого, как главный корпус, так и все деревянные флигели и службы со всеми казенными вещами и письменными делами, разхищены и до самого основания згорели, едва только успел Смотритель с семейством своим, писарем и одним караульным, и те ограбленные, спасти свою жизнь»⁶⁷. Позже, в ноябре 1812 г., составляя подробный рапорт на имя Марии Федоровны, Тутолмин напишет так: «8-го сентября, в воскресенье, смотритель вдовьего дома Мирицкий рапортом мне донес, что Кудринский Вдовый дом со всем строением, оставшимся имуществом и письменными делами сгорели, а остальные казенные деньги 14 р. 90 к. разграблены, с которыми вместе сделались жертвою пламени до 700 человек российских раненых: оные по слабости сил не могли избежать своей гибели, другие же во время пожара спасались; при сем случае сам он, Мирицкий с семейством от пожара и грабительства лишился всего своего имущества и пришел ко мне в самом худом рубище, которого, по возможности, снабдив одеждою, поместил в доме»⁶⁸.

Наконец, имеется рапорт самого Мирицкого, составленный 27 ноября (ст. ст.) 1812 г. по требованию Тутолмина⁶⁹. По словам Мирицкого, «никаких принять мер к сохранению [дома] было невозможно, потому что все соседские дома, постоялые дворы и насупротив кудринские лавки со всех сторон сентября 3-го числа неприятелем были зажжены, а вместе и оный Вдовый дом». Кроме того, «пожарных инструментов в том Доме никаких после переведения Александровского училища не оставалось». И далее: «Попечение в несчастном случае имел я, и при мне были писарь и один инвалидной солдат, а протчия вольнонанятыя караульщики по вступлении неприятеля от страха разошлись; при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не оставалось, и никаких невозможно было приложить способов к збережению Дома по великому числу зажигателей, которые не только вместе с зажигательством грабили, но и смерть наносили противящимся, сверх коих непрестанные толпы грабителей и крови жаждущих неприятелей шатались по всем местам, причем и я с семейством лишился всего моего имущества, подвергался опасности жизни и в правую ногу в двух местах тесаком проколон, равномерно горестную участь имел и писарь Матвей Антонов с инвалидным солдатом Макаровым». «Так как никаких прислужников не было при раненых и больных, то и неизвестно, какое число оных оставалось во Вдовьем доме, а примерно можно положить до 1 500 человек, из коих 800, имевшие хотя малые силы, спаслись от гибели при пожаре. Кои во время пожара вышли на двор и в сад и в продолжении нескольких дней разошлись в разные стороны, поелику они оставались без всякого пропитания, а остальные до 700 человек сделались жертвою пламени, будучи не в силах спастись»⁷⁰.

Горели ли в ходе великого московского пожара 14–18 сентября 1812 г. какие-либо другие здания, в которых находились русские раненые?

Начнем с *Главного московского военного госпиталя* (ныне Госпитальная пл., 1/3). Как известно, к началу сентября (ст. ст.) здесь было до 2 тыс. раненых и больных, но ко времени осмотра госпиталя Ларреем (это произошло во время или сразу после пожара) их там оставалось не много. Пожара в зданиях госпиталя не было.

Головинский (старый) дворец (Екатерининский дворец) (ныне 1-й Краснокурсантский пер., 3/5), приспособленный при Павле I под казармы и отданный Ростопчиным для помещения раненых. По сведениям Виллие, к началу сентября здесь могло быть до 8 тыс. человек. Никаких сведений о пожаре в Головинском дворце нет.

Спасские казармы (ныне Садово-Спасская ул., 1) имели в 1812 г. главное здание (дом, ранее принадлежавший графу И. С. Гендрикову) и четыре боко-

вых каменных корпуса, построенных в 1798 г. К сентябрю 1812 г. в Спасских казармах оказалось до 5 тыс. раненых. Все четыре боковых корпуса сгорели во время большого пожара, по-видимому, вместе с теми ранеными, которые не смогли оттуда выползти. Известный архитектор В. А. Бакарев, которому в 1812 г. было 12 лет, писал следующее: «Многие из оставшихся в Москве жителей уверяли, что когда, например, горели Спасские казармы, то изнутри их они слышали раздирающие душу крик и стон, от которых у них волосы становились дыбом»⁷¹.

Шереметевская больница (больница при Странноприимном доме Прасковьи Шереметевой) (ныне Сухаревская пл., 3). К сентябрю 1812 г. раненых солдат здесь не было. Однако они, по-видимому, были в самом Странноприимном доме. В письме к Марии Федоровне, написанном аптекарем Шереметевского Странноприимного дома, сообщалось, что, несмотря на то, что «все начальники выехали», сам он остался «из-за сострадания к раненым офицерам» и 32-м бедным, находившимся в богадельне⁷². В больнице же были только гражданские больные (по свидетельству главного лекаря больницы для бедных Х. Опделя, 132 человека). Французы отправили всех больных в Екатерининский институт и разместили в больнице до 300 своих раненых⁷³. В здании больницы пожара не было. Однако угол корпуса Странноприимного дома в ночь с 3 на 4 сентября (ст. ст.) загорелся, но «то спасло, что он весь со сводами; а конюшни, сарай и погреба и заборы сгорели»⁷⁴. О каких-либо жертвах в связи с пожаром не сообщается. Сразу после освобождения Москвы от неприятеля в Шереметевскую больницу поместили оставшихся в живых русских раненых. К началу 20-х чисел октября их было 510 человек⁷⁵.

Голицынская больница и богадельня при ней (ныне Ленинский пр., 10). Ларрей, который обследовал московские госпитали, обнаружил в Голицынской больнице «около тридцати (à une trentaine) русских офицеров, имевших тяжелы ранения»⁷⁶. Вскоре сюда стали поступать раненые офицеры Великой армии. Пожар Голицынскую больницу, как, по-видимому, и богадельню, не затронул. После освобождения Москвы, а именно к началу 20-х чисел октября (ст. ст.), здесь было 38 больных⁷⁷.

Екатерининская больница (ныне ул. Щепкина, 61/2) раненых, как русских, так и французских, не принимала. Согласно донесению смотрителя А. Смирнова от 18 октября (ст. ст.) 1812 г., больница пережила пожар и оккупацию благополучно. В ней оказались сконцентрированы больные, присланные из богадельни Странноприимного дома Шереметевой (17 человек), из больницы для бедных (38 человек), из Голицынской больницы (три человека), из богадельни графа Остермана (13 человек), а также 43

пациента, изначально в ней находившиеся, и один «оставшийся прусской нации полоненный крестьянин». Однако среди 22 «принятых, явившихся самих по себе, больных и раненых» определенно был кто-то из числа солдат русской армии. Никаких сведений о пожаре в здании больницы нет⁷⁸.

В Маршинской больнице для бедных (ныне ул. Достоевского, 4, корп. 1) в течение всего периода оккупации продолжали оставаться русские больные⁷⁹, однако наполеоновская администрация разместила в ней до 300 французских больных и раненых. Стараниями главного лекаря Х.Ф. Оппеля больница пострадала от неприятеля незначительно. Пожара в ней не было⁸⁰.

Павловская больница для бедных (ныне Павловская ул., 25). О ситуации в больнице узнаем из письма ее смотрителя П. П. Носкова секретарю императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову от 28 октября (ст. ст.) 1812 г.⁸¹ Ко 2 сентября в больнице оставалось всего 23 больных. С 8 сентября там стали размещать французских офицеров (23 человека), затем рядовых (71 человека). Однако через неделю рядовых перевели «в учрежденную при университете больницу», а в Павловскую больницу стали принимать одних офицеров, которых к 20 сентября набралось до 100 человек, «в числе коих был и раненый в правую ногу контузией 1-й артиллерийской бригады роты полковника Глухова поручик Греч, захваченный французами при взятии Москвы в плен и оставленный по вывозе всех больных в сей больнице, который от последовавшей гнилой горячки 22-го числа сего месяца умер». «Павловская больница, – рапортовал 11 ноября императрице Марии Федоровне Тутолмин, – от пожара сохранена, но претерпела некоторым образом от расхищения и была занимаема французскими ранеными...»⁸²

Александровский институт (училище) (ныне ул. Достоевского, 4) и *Екатерининский институт (училище)* (ныне Суворовская пл., 2). Здания находились недалеко друг от друга. Оба института после вывода из них воспитанниц поступили в распоряжение Ростопчина для помещения в них раненых⁸³, которых к началу сентября было размещено не менее 4 тыс. человек. Однако к моменту вхождения в Москву французов значительная часть больных и раненых солдат была вывезена или ушла сама. На 20 октября, согласно донесению лекаря Оппеля, в Александровском училище оставалось 400 воинских чинов⁸⁴.

Каких-либо данных о количестве раненых в Екатерининском институте нет, но, по некоторым сведениям⁸⁵, французы перевели оставшихся в Екатерининском институте русских раненых в Александровский институт, и поэтому цифра в 400 воинских чинов на 20 октября может быть отнесена к обоим институтам⁸⁶.

Оба здания от пожара не пострадали, однако уже 3 сентября Тутолмин, в чьем ведении находились эти институты, «получил известие, что русские больные и раненые, в Александровском и Екатерининском училищах находившиеся, оставлены без пищи, присмотру, и что мертвые тела не похоронены»⁸⁷. После чего Тутолмин предписал Оппелю оказать раненым помощь. Однако сделать это оказалось не просто, тем более что сам Оппель обслуживал прежде всего Мариинскую больницу. Выход нашелся благодаря тому, что, как писал Оппель, московский уроженец часовой мастер Иван Рингель после пожара и грабежа с женою и детьми убежал в Александровский институт, «российскими ранеными наполненный, которых премножество мы до вступления еще французов в своей больнице с утра до ночи перевязывали, и оным операции делали и те, кои ходить к нам не могли, были особенно мною препоручены штаб-лекарю Стропову». Стропов определил Рингеля «от себя в роде смотрителя», который приложил немалые усилия для сохранения порядка в Александровском институте⁸⁸.

В Александровском институте французы разместили некоторое количество своих раненых, но сколько именно неизвестно. После начала эвакуации французских раненых, в Александровском институте остался от них «малый съестной припас», который был использован для прокормления русских раненых⁸⁹.

Французские раненые были размещены и в Екатерининском институте, причем часть здания была обращена в казарму и даже в конюшню⁹⁰.

Запасный дворец у Красных ворот (ныне ул. Новая Басманная, 2) принял к началу сентября, согласно письму Виллие, до 2 тыс. больных и раненых российских воинов. Никаких ясных свидетельств, которые проливали бы свет на судьбу этих 2 тыс. человек, нет. Известно только, что дворец не пострадал от пожара и, по-видимому, от расхищения и что в нем во время оккупации продолжали находиться раненые (возможно, не только русской, но и французской армии).

Воспитательный дом (ныне Москворецкая наб., 7) не предназначался для помещения раненых солдат, однако во время пожара и оккупации Тутолмин приютил некоторое число нижних чинов и трех офицеров. «Раненых же наших, приползывающих в Дом, принимал рядовых в свои больницы, а трех офицеров к себе»⁹¹. В отношении Г. И. Вилламова к Тутолмину от 7 ноября было сказано так: «...Вы дали пристанища в Воспитательном Доме двум офицерам лейб-гвардии Егерского полка... и раненых солдат приняли в людскую больницу...»⁹²

Русские раненые находились также в *Куракинской богадельне* (ныне Новая Басманная, 4–6). Перед вступлением в Москву неприятеля «питом-

цы» богадельни были отправлены в Саратовскую губернию. Вместо них начали размещать русских раненых. Вступившие в город французы стали в той же богадельне помещать и своих раненых и больных. Известно, что в здании начинался пожар, но был благополучно потушен. Численность сохранившихся здесь раненых неизвестна.

Небольшое число раненых могло находиться в *Преображенской больнице* (Московском доллгаузе; ныне ул. Матросская Тишина, 20) и в *Университетской больнице* (ныне Моховая, 1/9), здания которых были пощажены пожаром 1812 г. О численности и судьбе оставшихся здесь раненых ничего не известно.

Некоторое количество раненых было оставлено в *казармах, в которых формировалось Московское ополчение*. Так, в казармах 3-го егерского полка Московской военной силы ко 2 сентября было «выздоровленных воинов более двухсот человек да больных до двести человек»⁹³.

Согласно списку, приложенному к известному письму Виллие, «по квартирам» к началу сентября было размещено до 500 раненых. Проследить их судьбу не представляется возможным, хотя упоминания об этой категории несчастных все же встречаются. Так, сержант полка фузилеров-гренадеров Императорской гвардии А. Ж. Б. Ф. Бургонь и его товарищи, блуждая в ночь с 17 на 18 сентября по улицам горящей Москвы, наткнулись на 17 раненых русских солдат, лежавших на соломенных тюфяках в доме какого-то каретника. Французы «оказали им помощь, принесли воды, видя, что они не могли это сделать сами, столь тяжкими были их раны...». «Я увидел раненых, – продолжает Бургонь, – между которыми было пять канониров гвардии с раздробленными ногами...»⁹⁴

Еще не закончился великий московский пожар, как главный хирург Великой армии Ларрей поспешил выяснить состояние московских госпиталей. Первым делом он посетил Главный военный госпиталь, который произвел на него, как мы уже отмечали выше, самое благоприятное впечатление и где он застал «только очень малое число больных»⁹⁵. Мы полагаем, что этот визит состоялся на другой день или через день после вступления французов в Москву, поскольку уже 16 и 17 сентября ситуация в Главном военном госпитале резко изменилась. В архиве Исторической службы министерства обороны Франции в журнале исходящих бумаг командира 1-го армейского корпуса Великой армии маршала Л. Н. Даву мы обнаружили важный документ, который приводим полностью.

«Москва, 17 сентября. Начальнику Главного штаба.

Имею честь информировать Ваше высочество, что по заявлению главного хирурга Военного госпиталя в Москве⁹⁶, здесь находится огромное

количество раненых, которые были эвакуированы 16-го и 17-го из разных госпиталей города. Некто по имени Попов (? – В.З.), который был среди них (т.е. раненых или вместе с ранеными. – В.З.) и который вернулся сюда [неразборчиво], пройдя по дороге на Владимир, говорит, что большая часть этих раненых ожидала, что будет схвачена нашими войсками, и что отсюда было осуществлено несколько эвакуаций в то время, когда приближались неаполитанский король и император.

В Большом военном госпитале, по заявлению главного хирурга, содержится 2000 человек, и они поступили сюда в течение 5 дней. Он (госпиталь. – В.З.) меблирован и обеспечен⁹⁷. Головинский (Kalawinsky) госпиталь расположен во дворце, который ничем не обеспечен. В нем приблизительно 10000 больных. Они здесь примерно 6 дней.

Здесь (т.е. в Москве. – В.З.) имеется [неразборчиво] военная фармацевтика, которая находится возле военного госпиталя.

Я отдам приказ г-ну главному ординатеру без промедления отправить в больницы материалы и персонал, а также представить рапорт г-ну главному интенданту и мне»⁹⁸.

Вскоре после Ларрея эти два госпиталя – Главный военный и Головинский – посетил М. Дюма. «Я поспешил посетить, – пишет он в воспоминаниях, – госпитали, которые уже были наполнены больными и ранеными русской армии. Наиболее значительный из этих госпиталей, расположенный в восточной части города, недалеко от Летнего дворца, показался мне в ужасном состоянии безнадзорности: не хватало всего; число умерших там было ужасающим. Трупы лежали вокруг внешних стен, являя картину ужаса и вызывая жалость»⁹⁹.

Решая вопрос о размещении своих раненых (а их было ввезено в Москву более 10 тыс. человек), французы облюбовали, прежде всего, Голицынскую и Шереметевскую больницы. Шереметевская была определена для размещения больных гвардии, Голицынская – для офицеров. Были заняты полностью или частично Павловская больница для бедных, Мариинская больница для бедных, Александровский институт, Запасный дворец и, наконец, Воспитательный дом¹⁰⁰.

Французское командование предприняло меры к тому, чтобы обеспечить продовольствием и медицинской помощью не только своих раненых, но и помочь оставшимся в Москве русским раненым и больным. Об этом свидетельствует как приведенный нами документ из архива Исторической службы министерства обороны Франции, так и целый ряд свидетельств как с французской, так и с русской стороны. Самым известным в этой связи сюжетом является история, произошедшая с ранеными русскими офицера-

ми, оказавшимися в Голицынской больнице (прапорщиком А. С. Норовым, штабс-капитаном гвардии и адъютантом М. Б. Баркляя де Толли А. Ф. Клингером, капитаном егерей Тимофеевым, поручиком Преображенского полка М. М. Оболяниновым, майором Орденского кирасирского полка Ф. В. Вульфом). Осмотренные, а некоторые и прооперированные самим Ларреем, они были предоставлены заботам старшего хирурга 12-го конно-егерского полка Бёфиса¹⁰¹. Помогал русским раненым в Голицынской больнице и главный хирург 5-го (польского) армейского корпуса Л. Лафонтен.

Вместе с тем ожесточение войны, отсутствие полноценных возможностей для обеспечения хотя бы своих раненых, а также разгул мародерства в горящей Москве (поджоги устраивали как русские, так и чины наполеоновской армии, чаще всего с целью грабежа) заставляли французов заботиться прежде всего о своих раненых.

Врач Нордгоф, московский немец, работу которого мы уже цитировали, дал, как полагаем, достаточно реалистичную картину того, что происходило в Главном военном госпитале (*l'hôpital militaire imperial*)¹⁰². «Несчастливые больные не имели ни хирургов, ни медикаментов, ни даже продовольствия. <...> Самим французам не хватало хирургов и продовольствия, следовательно, никто не занимался этими бедными заброшенными людьми. Наконец, на третий день прибыли три хирурга, чтобы принять заботу о стольких больных. Да, всего три хирурга на такое количество людей...»¹⁰³

Огромное число русских раненых рассыпалось по Москве в поисках пропитания. Но далеко не все смогли его найти. «Я еще велел, – докладывал М. И. Марк, участковый комиссар полиции 13-го дистрикта (вероятно, Пресненской части), созданной оккупантами, – совершить погребение четырнадцати русских солдат, которые умерли скорее от голода, чем от своих ран»¹⁰⁴.

Вполне естественно, что немалая часть раненых занималась мародерством и даже грабежом. И. Бушот, так же как и Марк, участковый комиссар созданной французами полиции, докладывал, что в его районе «находят много русских раненых, которых нужно задержать»¹⁰⁵. Но самое сильное по трагичности свидетельство оставил приказчик И. Р. Баташова Максим Соков, который вместе с дворней 4 сентября бежал из сгоревшей усадьбы «через Язу на Хованскую горку». «Здесь к ужасу усмотрели беглых и раненых русских солдат или мародеров и после узнали, что они жили грабежом проходящих; однако как нас было много, то и не смогли до ночи нас грабить. Мы, отделяясь от всех и посадив в гряды капусты детей и жен, стояли вокруг их на карауле и через четверть часа услышали стонущего человека за сто шагов от нас. Часть наших ребят туда побежали и увидели,

что русские раненые и беглые солдаты не только ограбили бедного обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволения отомстить убийцам. Я, прибавив к ним еще несколько человек, отправился с дубьем в руках к укрывшимся разбойникам. Мы нашли 12 человек, лежавших в траве и кустам с подвязанными руками и с связанными головами; тут же были и те самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили в дубье, и мнимо-раненые вскочили, хотели бежать, но были жестоко прибиты. После поля сражения, мы нашли в воде поросшей осокою разного платья и прочих вещей, награбленных разбойниками, воза два»¹⁰⁶.

Естественно, что те русские раненые, которые занялись грабежом и разбоем, не останавливались перед убийством солдат неприятельской армии. Осталась запечатленной история о раненом солдате лейб-гвардии Измайловского полка, который, «собой видный», держа в одной руке кистень, а в другой двухфунтовую гирию, «истребил довольно число» французов и «с помощью других в нужные места бросал»¹⁰⁷.

Французское командование было всерьез обеспокоено не только тем, что многие русские раненые занимаются мародерством и грабежами, устраивая в том числе и поджоги домов, но и тем, что выздоравливающие раненые могут в скором времени встать в строй и пополнить ряды русской армии. «...Примерно 3000 русских солдат, – писал в мемуарах П. Бертезен, в 1812 г. бригадный генерал, командир 1-й бригады 1-й дивизии Молодой гвардии, – из числа 8–9 тысяч, которые были обнаружены, как я уже говорил, в этой столице, были отправлены по той же дороге (т.е. на Смоленск. – В.З.) под конвоем португальского полка...»¹⁰⁸ 23 октября, будучи уже в Боровске, Наполеон продиктовал для 26-го бюллетеня Великой армии следующее: «10 тысяч русских солдат, привлеченных возможностью грабежа, были обнаружены рассеянными по городу (Москве. – В.З.); это старые и хорошие солдаты: они увеличили число пленных»¹⁰⁹.

Сколько русских раненых осталось в живых ко времени вступления в Москву российских войск? Имеющиеся на этот счет документы чрезвычайно разрозненны. К 15 октября относится «донесение» командира московской драгунской команды майора К. А. Гельмана, временно исполнявшего должность полицмейстера, который сообщал, что задержано «более шести сот грабителей, да еще под караулом содержалось более 200 человек», а также, что найдено множество раненых россиян, «которые оставались без всякого призрения и пропитания»¹¹⁰. Полагаем, что среди задержанных 600 грабителей было и некоторое число тех, кто ранее числился среди раненых. В тот же день, 15 октября, генерал-майор И. Д. Иловайский

4-й рапортовал: «Вышедшие из плена и скрывавшиеся в разных частях города русские раненые около 700 нижних чинов и 18 офицеров, призрены и помещены большею частью в странноприимном доме графа Шереметева. Оставшиеся в главном госпитале наши 4 обер-офицера и 646 нижних чинов, получили все должное вспоможение...»¹¹¹

18 октября возвратившийся к обязанностям московского обер-полицейстера генерал-майор П. А. Ивашкин предпочел в рапорте С. К. Вязмитинову вообще не упоминать каких-либо цифр: «Неприятель оставил здесь великое множество раненых и больных нижних чинов, как подданных Всемилостивейшего государя нашего, так и своих...»¹¹² Цифры появились только в донесении исполнявшего должность московского коменданта Г. Г. Спиридова Ростопчину, составленном не позднее 25 октября 1812 г.: «Находятся больные: в Госпитале – 1462; в Голицынской больнице – 38; в Шереметевской больнице – 510; в Екатерининской больнице – 147; в Александровской больнице – 400. Итого: 2584 человека»¹¹³.

Наконец, мы располагаем рапортом А. И. Татищева А. И. Горчакову от 26 ноября 1812 г. Татищев, осматривая «военный госпиталь», обнаружил, что в нем «состоит разных полков раненых и больных гг. офицеров 12, нижних чинов 2030, военнопленных французов 487, всего 2529 человек»¹¹⁴.

Очевидно, что всех раненых и больных военных чинов постепенно стали концентрировать исключительно в Главном военном госпитале, тем более что госпитальные учреждения, находившиеся в ведении ведомства Марии Федоровны, постарались как можно скорее от них избавиться. Следовательно, можно условно считать, что ко времени освобождения столицы здесь было чуть более 2 тыс. раненых чинов русской армии. Если исключить тех, кто а) был отконвоирован как военнопленный по Смоленскому тракту (большой частью они погибли по дороге); б) занимался грабежами и был арестован возвратившимися российскими властями; в) смог выбраться из оккупированного города, коих было, конечно же, очень немного (по всем трем категориям общее число может доходить до 1,5–2 тыс. человек), то можно предположить, что непосредственно в Москве от пожаров, голода, ран и болезней, а также от рук оккупантов, а то и от рук соотечественников, могло погибнуть до 6–6,5 тыс. человек.

Подведем итоги.

1. Тема несчастной судьбы раненых, оставленных отступавшей русской армией в Москве, уже с начала 20-х годов XIX в. вышла за рамки собственно исторического или военно-исторического интереса, превратившись в важный вопрос политической и идеологической полемики. С новой

силой полемическая заостренность этой темы обозначилась в конце XX в. главным образом в среде российских историков.

2. Русская армия оставила в Москве на милость победителей от 10 до 15 тыс. больных и раненых, большая часть которых была нетранспортабельна.

3. Грандиозный пожар, начавшийся уже в день вступления войск Наполеона в Москву, имел для оставшихся в городе раненых трагические последствия. Часть раненых погибла непосредственно в огне (в Кудринском Вдовьем доме – не менее 700 человек, значительное число погибло в Спасских казармах и в ряде других зданий и на улицах). Большинство оставшихся в живых раненых лишились возможности получить хотя бы минимальное медицинское и продовольственное обеспечение.

4. Командование французской армии и оккупационная администрация, несмотря на готовность оказать русским раненым помощь, не смогли этого сделать в должном объеме в условиях крайней ограниченности ресурсов.

5. Лишенные средств к существованию, отдельные раненые участвовали в актах мародерства и грабежах, нередко погибая при этом от рук оккупантов, а то и от оставшихся в городе московских жителей. Часть раненых, занимавшихся мародерством, была арестована возвратившимися в город российскими властями.

6. Значительная категория русских раненых попала в число военнопленных и была отконвоирована из Москвы; большая часть их погибла в дороге.

7. Ко времени освобождения первопрестольной столицы российской армией в ней оставалось не менее 2,5 тыс. русских раненых. Таким образом, можно предполагать, что из 10–15 тыс. больных и раненых, которые были оставлены в Москве, погибли или были угнаны в плен по меньшей мере 8 тыс. человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даты, если нет указаний на старый стиль, даны по новому стилю.

² *Napoléon I. Œuvres de Napoléon I. P., 1827. Т. 5. Р. 62–64.*

³ *Fain A. J. F. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2. Р. 103; Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 64; Рус. архив. 1900. № 11. С. 466.*

⁴ *Napoléon I. Op. cit. Р. 68.*

⁵ *Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. Т. 4. Р. 65–67.*

⁶ Цит. по: *Larrey D. J. Mémoires et campagnes*. P., 1984. P. 67. Трудно сказать определенно, о каком «Институте для обучения детей...» здесь идет речь.

⁷ *Ibid.* P. 68.

⁸ *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A. F. de B. .... ch. P., 1822. P. 84–85.* Нельзя исключать, что описанный Нордгофом l'hospital militaire imperial – это Головинский (старый) дворец.

⁹ [*Chambray G.*] *Histoire de l'expédition de Russie*. P., 1823. Т. 1–2 (все ссылки далее даны на второй том 3-томного парижского издания 1838 г.); *Rostopchine F. V. La Vérité sur l'incendie de Moscou*. P., 1823; (Рус. пер.: *Ростопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы*, М., 1823).

¹⁰ *Chambray G.* *Op. cit.* P. 125.

¹¹ *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 42, 48.

¹² См., напр.: *Ложье Ц.* *Дневник офицера Великой армии в 1812 г.* М., 2005. С. 78; *Domergues A.* *La Russie pendant les guerres de l'Empire*. P., 1835. Т. 1–2; *Искюль С. Н.* *Французы в Москве в 1812 году // Французский ежегодник*, 2012. М., 2012. С. 66–67; и др.

¹³ *Михайловский-Данилевский А. И.* *Описание Отечественной войны 1812 г.* 3-е изд. СПб., 1843. Ч. 2. С. 345.

¹⁴ *Thiers A.* *Histoire du Consulat et de l'Empire*. P., 1856. Т. 14. P. 375, 388.

¹⁵ *Kukiel M.* *Wojna 1812 roku*. Kraków, 1937. Т. 2. S. 210–211, 214.

¹⁶ *Kowalczyk R.* *Katastrofa Wielkiej Armii Napoleona w Rosji w 1812 roku*. Łódź, 2007. S. 43–44.

¹⁷ Чтения в Обществе истории и древностей российских в Московском университете (далее – ЧОИДР). 1860. Кн. 2: Материалы отечественные. С. 161–184.

¹⁸ Рус. архив. 1864. Ч. 4. С. 695–696; 1871. № 6. Ст. 0218–0228.

¹⁹ *Дубровин Н. Ф.* *Отечественная война в письмах современников, 1812–1815*. СПб., 1882.

²⁰ *Щукин П. И.* *Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.* М., 1897–1908. Ч. 1–10 (далее – Бумаги, относящиеся...).

²¹ *Гронский П. П.* *Исторические материалы, извлечённые из Сенатского архива // Журн. м-ва юстиции*. 1912. № 3. С. 213–224.

²² *Заглухинский В. В., Копосов В. П., Фомин И. В.* *Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г.* М., 1912.

²³ *Ермолов А. П.* *Записки*. М., 1865. Ч. 1. С. 214; *Норов А. С.* *Война и мир 1805–1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника*. СПб., 1893. С. 72–74, 81; *Муравьев Н. Н.* *Записки // Русские мемуары: Избр.*

страницы, 1800–1825 гг. М., 1989. С. 121–122; *Волконский П. А.* У французов в Московском плену 1812 года // Рус. архив. 1905. № 11. С. 351–359; и др.

²⁴ См., напр.: *Попов А. Н.* Французы в Москве в 1812 г. М., 1876. С. 72, 151.

²⁵ *Троицкий Н. А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 190–191; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 220–222.

²⁶ *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов. С. 220.

²⁷ Это число Троицкий привел на основе письма, помеченного 12 сентября (ст. ст.) 1812 г., главного медицинского инспектора Объединенных русских армий Я. В. Виллие А. А. Аракчееву, где говорилось о предположительном числе раненых и больных, находившихся в московских госпиталях к моменту эвакуации столицы (*Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 131–136; М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 470–471).

²⁸ Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 108–109; Смирнов А. А. Сколько же их было? О раненых российских солдатах, оставленных в Москве в 1812 году // Император. 2001. № 2. С. 40–42.

²⁹ *Попов А. И.* Русские военнопленные в 1812 г. С. 7–12; *Он же.* Медицинская служба Великой армии в 1812 г. // Наполеон: Альманах за 2010 г. С. 82–88; и др.

³⁰ *Попов А. И.* Русские военнопленные в 1812 г. С. 12.

³¹ *Искюль С. И.* Указ. соч. С. 67.

³² *Столяр В. П., Овчинникова М. Б.* Московский госпиталь во время Отечественной войны 1812 г. // «Освобождение России от нашествия неприятельского»: Уроки истории и вызовы современности: Сб. докладов. М., 2013. С. 177–190.

³³ Важное значение имеет выход в 2012 г. двух солидных сборников документов, отложившихся в Отделе письменных источников ГИМа и в Центральном историческом архиве Москвы (Москва в 1812 году. М., 2012; Москва и Отечественная война 1812 г. М., 2011. Кн. 1–2).

³⁴ См. наиболее убедительную на этот счет публикацию: *Заглухинский В. В., Копосов В. П., Фомин И. В.* Указ. соч.

³⁵ Рус. архив. 1900. № 7. С. 266.

³⁶ *Заглухинский В. В., Копосов В. П., Фомин И. В.* Указ. соч. С. 200.

³⁷ Даже по наиболее убедительным версиям это число колеблется от 45 до 50 и даже 53 тыс. человек (См.: Бородинское сражение // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. М., 2012. Т. 1. С. 223; *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры – участники Бородинского сражения // Бородинское поле: История. Культура. Экология. Можайск, 2000. С. 69; *Шведов С. В.* Численность и потери русской армии в Бородинском

сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы II Всерос. науч. конф. 1993 г. Бородино, 1994. С. 107–115.

³⁸ *Soltyk R.* Napoléon en 1812: Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836. P. 254.

³⁹ *Guyot.* Carnets de campagnes. P., 1999. P. 141.

⁴⁰ См., напр.: Napoléon, sa famille et son entourage: documents du Musée Historique d'État, Moscow. N.Y., 1998. № 1056.

⁴¹ *Chambray G.* Op. cit. P. 87; *Denniée P.P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 83; *Bellot de Kergorre A.* Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. P., 1899. P. 62–63.

⁴² *Larrey D.J.* Mémoires et campagnes. P. 61–62.

⁴³ См., напр.: *Bellot de Kergorre A.* Op. cit. P. 62–64.

⁴⁴ *Ibid.* P. 62.

⁴⁵ См.: *Попов А.И.* Русские военнопленные в 1812 г. С. 10–11.

⁴⁶ М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4, ч. 2. С. 706–707.

⁴⁷ Бумаги, относящиеся... Ч. 5. С. 165–166.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 13об.; Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 1–6.

⁴⁹ Рус. архив. 1866. Вып. 5. Стлб. 701–702.

⁵⁰ Татищев – Кутузову. Бронницы, 3 сентября (ст. ст.) 1812 г. // *Заглухинский В.В., Копосов В.П., Фомин И.В.* Указ. соч. № 81. С. 78.

⁵¹ См.: Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См.: *Смирнов А.А.* Указ. соч.

⁵⁶ *Дубровин Н.В.* Отечественная война в письмах современников, 1812–1815 гг. М., 2006. С. 131–133; М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4, ч. 1. С. 471.

⁵⁷ *Larrey D.J.* Mémoires et campagnes. P. 67.

⁵⁸ Будем условно считать, что общее число находившихся во «временных госпиталях» и лежавших на улицах могло быть не менее 22,5 тыс., а скорее всего, значительно больше – до 30 тыс. человек.

⁵⁹ М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4, ч. 2. С. 707.

⁶⁰ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С. 85.

⁶¹ *Chiquet A.* Lettres de 1812. P., 1911. Sér. 1. P. 31.

⁶² *Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1902. Вып. 1. С. 205–212.

⁶³ *Chambray G.* Op. cit. P. 118. Note “a”.

⁶⁴ Текст этой прокламации на французском языке без подписи и даты впервые опубликовал Шамбрэ (*Chambray G.* Op. cit. P. 114–115; Note “a”), а затем на русском языке А. И. Михайловский-Данилевский (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 г. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 2. С. 287).

⁶⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3588. Л. 1. В «Корреспонденции» Наполеона опубликован любопытный документ. 6 октября император написал Бертье следующее: «Отдайте приказ, чтобы 10 русских солдат, которые обнаружены в погребе 11 квартала (полагаем, что это Хамовническая часть. – В.З.), были расстреляны как поджигатели; это следует сделать завтра в 4 часа утра, без огласки». На отпуске была сделана надпись: «Этот приказ не выполнен, так как это были больные. Бертье» (*Napoléon Bonaparte. Correspondance générale.* P. , 2012. Т. 12. № 31843. P. 1152).

⁶⁶ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 49.

⁶⁷ Там же. С. 92.

⁶⁸ ЧОИДР. 1860. Кн. 2. С. 170; Москва в 1812 г. С. 167.

⁶⁹ Первый рапорт, представленный Туттолмину Мирицким 8 сентября (ст. ст.) 1812 г., не выявлен.

⁷⁰ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 49–50.

⁷¹ Архнадзор. 2014. 17 янв.

⁷² Рус. архив. 1871. № 6. Ст. 0193.

⁷³ Москва в 1812 г. С. 152–153.

⁷⁴ Там же. С. 131; Рус. архив. 1871. № 6. Ст. 0192–0198.

⁷⁵ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 43.

⁷⁶ *Larrey D. J. Mémoires et campagnes.* P. 68.

⁷⁷ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 43.

⁷⁸ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 107.

⁷⁹ По другим сведениям, все русские больные (132 человека), находившиеся в Мариинской больнице, были отправлены французами в Екатерининский институт (Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 93–94).

⁸⁰ Москва в 1812 г. С. 151. См. также: Там же. С. 13, 117, 120. 15 октября (ст. ст.) 1812 г. Опфель докладывал, что в больнице сверх обычных «сидельцев» находится «русский офицер при Можайске в ногу раненый» (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 49об.).

⁸¹ Москва в 1812 г. С. 156–158.

⁸² Там же. С. 171.

⁸³ Там же. С. 107.

⁸⁴ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 109.

⁸⁵ В донесении Туголмина Марии Федоровне, составленном предположительно в сентябре 1812 г., написано, что «в Александровском находятся оставленные и вновь переведенные из Екатерининского института (курсив наш. – В.З.) наши российские раненые» (Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 92).

⁸⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3601. Л. 23–24.

⁸⁷ Москва в 1812 г. С. 12, 110, 125, 165.

⁸⁸ Там же. С. 154.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 15.

⁹¹ Там же. С. 166.

⁹² Там же. С. 161.

⁹³ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 28. Нам не удалось с точностью установить, о каких именно казармах идет речь. Не исключено, что о Спасских казармах.

⁹⁴ *Bourgogne A. J.B.F. Mémoires du sergent Bourgogne.* P. , 1900. P. 29; *Бургонь. Пожар Москвы и отступление французов, 1812 год.* СПб., 1898. С. 28.

⁹⁵ *Larrey D.J. Mémoires et campagnes.* P. 67.

⁹⁶ По тексту документа могут возникнуть сомнения, имеется ли здесь в виду Ларрей, либо некий русский главный хирург Военного госпиталя в Москве. Мы склоняемся к первому варианту.

⁹⁷ Вероятно, обеспечен медицинским оборудованием, медикаментами и продовольствием.

⁹⁸ *Service historiques de la Défense.* C2290. F. 100. По нашему мнению, численность раненых и больных, находящихся в Головинском дворце, в этом документе явно завышена.

⁹⁹ *Dumas M. Souvenirs.* P. , 1839. Т. 3. P. 446–447. Мы полагаем, что речь здесь идет о Головинском дворце.

¹⁰⁰ Нам известно точное число и места концентрации раненых и больных Великой армии в Москве только на 1–3 октября 1812 г. В Воспитательном доме – 1800, в Мариинской больнице для бедных – 325, в Главном военном госпитале – 200, в Екатерининском институте – 119, в Голицынской больнице – 79, в Павловской больнице для бедных – 50 человек (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3601).

¹⁰¹ *Норов А. С.* Указ. соч. С. 49–52; *Larrey D. J.* Mémoires et campagnes. P. 68–69; *Попов А. И.* Русские военнопленные в 1812 г. С. 12.

¹⁰² Мы не исключаем, что речь здесь идет о Головинском дворце, либо о Главном военном госпитале и Головинском дворце одновременно.

¹⁰³ *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812.* P. 85.

¹⁰⁴ Цит. по: *Гронский П. П.* Указ. соч. С. 222.

¹⁰⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 60об.

¹⁰⁶ Рус. архив. 1871. № 6. Стлб. 0222–0223.

¹⁰⁷ *Волконский П. А.* Указ. соч. С. 354.

¹⁰⁸ *Berthezène.* Souvenirs militaires. P., 2005. P. 287.

¹⁰⁹ *Le Moniteur universel.* 1812. 16 nov.

¹¹⁰ Бумаги, относящиеся... Ч. 1. С. 100.

¹¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 201. Л. 49. Этот же рапорт был помещен в «Русском архиве» (Рус. архив. 1865. Ч. 4. С. 695–696; 1866. Вып. 5. Стб. 695–697), но помеченный 16 октября (ст. ст.).

¹¹² Бумаги относящиеся... Ч. 2. С. 16.

¹¹³ Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. С. 173.

¹¹⁴ *Столяр В. П., Овчинникова М. Б.* Указ. соч. С. 186.